

Популярная британская писательница, актриса и продюсер Сара Дюнан имеет миллионы поклонников по всему миру, а от ее романов буквально невозможно оторваться. Она является обладательницей премии им. Вальтера Скотта и награды «Серебряный кинжал». Дюнан сотрудничает с такими авторитетными журналами, как «The Times» и «The Observer». Многие ее произведения успешно экранизированы.

Италия, 1570 год.

Дочь знатного миланского вельможи Изабелла отправлена в женский монастырь. Так решил отец, разлучив девушку с ее возлюбленным Джакомо, простым учителем пения. Но Изабелла не готова смириться с решением отца. Она рвется к Джакомо и готова бежать из монастыря, ставшего тюрьмой для ее любви. Однако беглянку ловят. От настоятельницы Изабелла узнает, что Джакомо уехал в Парму, предав их любовь. Девушка в отчаянии, ей не хочется жить. И тут неожиданно приходит весточка от любимого, который когда-то поклялся никогда не разлучаться с ней...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7619-2

9 786171 276192

САРА ДЮНАН

СВЯТЫЕ СЕРДЦА

САРА ДЮНАН

СВЯТЫЕ
СЕРДЦА

Ничто на земле не разлучит их...

SARAH DUNANT

SACRED
HEARTS

A NOVEL

САРА ДЮНАН

СВЯТЫЕ
СЕРДЦА

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Д96

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии
“Aitken Alexander Associates Ltd” и “The Van Lear Agency LLC”

Переведено по изданию:
Dunant S. Sacred Hearts : A Novel / Sarah Dunant. —
London : Virago Press, 2009. — 480 p.

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

ISBN 978-617-12-7619-2
ISBN 978-1-84408-596-5 (англ.)

© Sarah Dunant, 2009
© Depositphotos.com / Fotolit2, об-
ложка, 2020
© Nemiо Ltd, издание на русском
языке, 2020
© Книжный Клуб «Клуб Семей-
ного Досуга», перевод и худо-
жественное оформление, 2020

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ко второй половине XVI века в католической Европе стоимость приданого невесты резко выросла, причем настолько, что большинство благородных семейств могли позволить себе выдать замуж лишь одну дочь. Остальных молодых женщин отправляли — за куда более умеренную плату — в монастыри. По оценкам историков, в больших городах и полисах Италии до половины благородных дам становились монахинями.

Причем далеко не все — по своей воле...

Эта история случилась в северном итальянском городке Ферраре, в монастыре Санта-Катерина, в 1570 году...

РАСПОРЯДОК
ЕЖЕДНЕВНЫХ БОГОСЛУЖЕНИЙ
В МОНАСТЫРЕ ОРДЕНА
БЕНЕДИКТИНЦЕВ В XVI ВЕКЕ

(Точное время богослужений
определяется восходом и закатом солнца)

Хваления	На рассвете	
Заутреня	Первый час дня Легкий завтрак	06:00
Служба третьего часа	Третий час дня Рабочие часы	09:00
Служба шестого часа	Шестой час дня Основная трапеза	Полдень (12:00)
Служба девятого часа	Девятый час дня Рабочие часы	15:00
Вечерня	Перед заходом солнца Легкий ужин	17:00
Комплеторий	Перед отходом ко сну	19:30
Утреня		02:00

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОНАСТЫРЬ САНТА-КАТЕРИНА, ФЕРРАРА, 1570

ГЛАВА ПЕРВАЯ

До того как ночную тишину обители пререзает пронзительный крик, ее оживляют присущие только ей звуки.

В келье нижнего этажа комнатная собачонка сестры Исбеты, закутанная в пеленку, словно новорожденный младенец, охотится во сне, довольно порывкая в наморднике, когда ей чудится, будто она затравила кролика. Сама Исбета тоже охотится: уставившись в серебряный поднос, который исполняет роль зеркала, и воздев правую руку, она прицеливается костяными щипчиками в упрямый белый волосок у себя на подбородке. Вот она совершает резкий рывок, и в коротком вскрике «А-а-а-а!» одновременно слышатся и боль, и удовлетворение.

По другую сторону внутреннего двора две молодые женщины, пухленькие и со щечками мягкими, как у детей, лежат на одном соломенном тюфяке. Они сплелись в объятиях, словно соседние побеги, а лица их находятся так близко друг от друга, что они как будто бы обмениваются дыханием — одна делает вдох, а другая в это же время совершает выдох. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Воздух пахнет чем-то сладким. Дягилем, скорее всего. Или сладкой мятой, как если бы обе съели по сладкому пирожку или отпили из одного кубка вина со специями. Но чем бы они ни угостились, лакомство погрузило обеих в крепкий сон, и теперь в комнате слышится лишь довольное сопение.

Сестра же Бенедикта тем временем едва сдерживается — голова ее буквально разрывается от музыки. Сегодня ночью это хоровые песнопения в честь Крещения Господня, звучащие на разные голоса, которые, словно цветные нити

гобелена, переплетаются самым причудливым образом. Иногда они движутся так быстро, что она едва успевает записывать их, и ее черная грифельная доска уже вся испещрена узорами белых пометок. В иные ночи ей и вовсе не приходится спать, а временами голоса становятся такими настойчивыми, что ей кажется, будто она громко поет вместе с ними. Впрочем, на следующий день никто не бранит ее, как и не будит, если ей случится задремать в трапезной. Ее композиции приносят славу и привлекают в монастырь благотворителей, посему на ее чудачества все смотрят сквозь пальцы.

А вот сестра Персеверанца, напротив, пребывает в плену у музыки страданий. Единственная сальная свеча разбрасывает трепещущие тени по стенам ее кельи. Ее хитон настолько тонок, что, прижавшись спиной к каменной стене, она всем телом ощущает пронизывающую зимнюю сырость. Она приподнимает подол над лодыжками и бедрами, после чего с куда большей осторожностью обнажает живот, коротко и болезненно постанывая, когда ткань прилипает к открытым ранам на ее теле. Остановившись, она делает несколько коротких вдохов, чтобы привыкнуть к боли, после чего, встретив сопротивление, тянет сильнее, пока едва поджившая корочка не отрывается и не начинает подниматься вместе с тканью. В свете свечи становится виден кожаный пояс, обернутый у нее вокруг талии, с короткими гвоздями, направленными остриями внутрь, причем некоторые из них впились настолько глубоко, что образовали покрасневшие, опухшие ранки с корочкой засохшей крови, под которой плоть и выделанная кожа срослись воедино. Медленно, но уверенно она нажимает на одну из шляпок. Рука ее произвольно отдергивается, с губ срывается короткий вскрик, в котором тем не менее слышится восторг, и она вновь бросает вызов самой себе, возвращая пальцы на прежнее место.

При этом она не сводит глаз со стены напротив, где трепещущий свет выхватывает из темноты резное деревянное распятие; Христос, молодой и энергичный, напрягает все

силы, подавшись вперед и пытаясь освободиться от гвоздей, так что на теле его виден каждый мускул, а лицо искажено страданием. Она смотрит на него не отрываясь, и ее собственное тело бьет крупная дрожь, щеки становятся мокрыми от слез, но глаза сверкают. Дерево, железо, кожа, плоть. Мир вокруг нее замкнулся и перестал существовать. Она живет Его страданиями, а Он — ее. Она больше не одинока. Боль превратилась в наслаждение. Она вновь нажимает на шляпку гвоздя, и из груди у нее рвется долгий удовлетворенный рык, какой могло бы издавать животное, возбужденный и возбуждающий.

А в соседней келье пальцы сестры Умилианы на миг замерли, перестав перебирать щебечущие четки. Звуки, которые издает в своем ревностном служении молодая сестра, для нее как бальзам на душу. Она и сама, будучи моложе, искала Господа посредством открытых ран, но теперь, став сестрой-наставницей, она заботится о духовном благополучии других прежде своего собственного, как того требует от нее долг. Наклонив голову, она возобновляет прерванные занятия.

В келье над лазаретом сестра Зуана, хозяйка диспенсария¹, занята своими собственными молитвами. Она склонилась над большим травником Брунфеля, сосредоточенно наморщив лоб. Рядом с нею лежит недавно законченный рисунок цветка герани, листья которой оказались исключительно полезными для остановки крови при порезах и поверхностных ранах, — в выделениях одной из молодых монахинь обнаружили сгустки крови, и теперь она ищет состав, который бы остановил кровотечение, какого она не видит.

Стены Персеверанцы эхом разносятся по коридору. Прошлым летом, когда от жары раны загноились и те, кто сидел

¹ Здесь: монастырская аптека. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

в часовне рядом с монахиней, стали жаловаться на неприятный запах, мать настоятельница отправила ее в лазарет на лечение. Зуана как смогла промыла и перевязала воспалившиеся раны, после чего снабдила девушку мазью для снятия отечности. Больше она сделать не в состоянии. И хотя Персеверанца запросто может в конце концов погубить себя каким-либо глубоким нагноением, в остальном она вполне здорова, так что, судя по тому, что известно Зуане о работе человеческого тела, едва ли это произойдет. Мир полон слухов о мужчинах и женщинах, годами живших с подобными ранами; пусть даже Персеверанца восторженно рассуждает о смерти, совершенно очевидно, что собственные страдания доставляют ей столько радости, что она не готова оборвать их преждевременно.

Сама же Зуана отнюдь не разделяет подобной страсти к умерщвлению плоти. Прежде чем попасть в монастырь, она много лет прожила с отцом, профессором медицины, оставаясь его единственным ребенком. Смысл его существования заключался в том, чтобы изучать силы природы, способные исцелить человеческое тело, и, сколько Зуана себя помнит, она всегда разделяла эту его страсть. Будь такое возможно, из нее бы получился прекрасный доктор или учитель. Но так уж вышло, что ей повезло и после смерти отца его славы и поместья вполне хватило на то, чтобы обеспечить ей келью в монастыре Санта-Катерина, где обретают кров многие благородные жительницы Феррары, дабы под защитой Господа и дальше жить так, как им заблагорассудится.

Тем не менее любой монастырь, сколь бы налаженным ни был его быт, ожидают несомненные потрясения, когда он принимает к себе ту, которая не хочет жить в нем.

Зуана поднимает голову от стола. Всхлипы, доносящиеся из кельи недавно прибывшей послушницы, становятся слишком громкими, чтобы на них и дальше можно было не об-

ращать внимания. То, что начиналось как обычные слезы, перешло в гневные выкрики и стоны. В трудных случаях, будучи хозяйкой лазарета, Зуана обязана дать новенькой сонное зелье, дабы та угомонилась. Она переворачивает песочные часы. Снадобье уже готово и дожидается в диспенсари. Вопрос заключается лишь в том, стоит ли ей выждать дальше, и если да, то сколько.

Судя по тому, в какое отчаяние впала новенькая, действовать нужно весьма деликатно. Как только торжественная литургия заканчивается, семья отбывает и тяжелые двери запираются на засов, отгораживая вас от мира, так что некоторое расстройство выглядит вполне естественным, а отдельные особы, самые набожные и искренние в своих чувствах молодые женщины, могут поддаться панике, оставшись в тишине и одиночестве монастырской кельи.

Легче всего успокоить тех, у кого есть родственники внутри. Большинство из них съели зубы на монастырских пряниках и печенье, за долгие годы настолько привыкнув к частым визитам, заботе и повышенному вниманию, что клуатр¹ давно превратился для них во второй дом. Если — как иногда случается — день заканчивается слезами отчаяния, то рядом всегда оказывается какая-нибудь тетушка, сестра или кузина, способная развеселить или утешить.

Что до остальных, тех, кто вынашивал мечты о женихе из плоти и крови или оставил любимого брата и любящую мать, то они оплакивали не только прошлое, но и будущее, неведомое и пугающее. Старшие сестры обращаются с ними мягко и ласково, когда они расстаются с платьями и нижними юбками, дрожа не столько от холода, сколько от растерянности и страха, воздев над собой голые руки в готовности принять хитон. Но никакая забота не в силах затмить потерю свободы, и хотя впоследствии кое-кто может заменить саржу на атлас (на подобные проступки, совершенные во имя моды,

¹ От лат. *claustrum* — закрытое место.

всегда закрывали глаза, хотя открыто и не одобряли), в самую первую свою ночь в монастыре девушки с нежной кожей и отсутствием склонности к покаянию запросто могли лишиться рассудка от зуда и почесывания. В слезах они изливали жалость к себе, но пусть уж выплачутся сейчас, чем станут медленно отравлять себя ими впоследствии.

В конце концов буря утихает, монастырь возвращается ко сну. Дежурная сестра будет прогуливаться по коридорам вплоть до утрени, то есть до двух часов ночи, после чего начнет в темноте обход огромного клуатра и галерей, стуча в каждую дверь по очереди, за исключением той, что принадлежит вновь прибывшей. В Санта-Катерине действует правило — не тревожить новенькую в первую ее ночь пребывания в монастыре, чтобы на следующий день она со свежими силами оказалась лучше подготовлена к встрече с новой жизнью.

Сегодня ночью, однако, не спит никто.

На дне песочных часов собирается почти полная горка, а стоны и причитания становятся такими громкими, что отдаются не только в ушах Зуаны, но и в темноте: создается впечатление, будто стая бродячих демонов проникла в келью девушки и теперь наматывает ее внутренности на шомпол. Этак в спальне сейчас начнут в ужасе просыпаться молодые трудницы. Часы между комплеторием и утреней предполагают самый долгий ночной сон, и любая помеха будет означать, что утро монастырь встретит сонным и в дурном расположении духа. В промежутках между полными отчаяния выкриками Зуана слышит чей-то немелодичный надтреснутый голос, доносящийся из лазарета. Ночная лихорадка способна породить у страждущих всевозможные видения, причем не всегда святые, так что помешанным и больным вовсе не обязательно присоединяться к общему хору.

Зуана быстро выходит из своей кельи, даже не давая себе труда прихватить свечу, поскольку ноги ее сами находят дорогу. Она спускается по лестнице на галерею и, как всегда,

приостанавливается у входа в большой двор, пораженная его несомненной красотой. С тех пор как она впервые попала сюда шестнадцать лет тому, когда стены вокруг грозили обрушиться и похоронить ее под собой, ей предложили достаточно места для покоя и мечтаний. Днем здесь воздух всегда замирает в неподвижности, так что кажется, будто само время остановилось, а в темноте иногда бывает слышно, как шелестят у вас за спиной крылья ангелов. Но только не сегодня ночью. Сейчас каменный колодец в центре похож на огромный серый корабль в черноте ночи, а звуки девичьего плача напоминают вой ветра в его парусах. Зуана вдруг вспоминает рассказанную ей отцом историю о том, как он плывал в Восточную Индию, чтобы собрать образцы растений, и как однажды они наткнулись на брошенный в бурных водах корабль, единственным живым существом на борту которого оказался забытый всеми попугай, умиравший от голода и о чем-то хрипло и визгливо причитавший. «Только представь себе, родная. Если бы мы смогли понять язык этой птицы, какие тайны он бы нам открыл?» — вопрошал отец.

В отличие от отца, Зуана никогда не видела океана, а единственные известные ей голоса сирен — это возвышенные сопрано насельниц в часовне или женские горестные причитания по ночам. Да еще тьякканье назойливых собак, как, например, той, что скулит сейчас в келье сестры Исбеты, — маленького комочка спутанной шерсти и дурных запахов, но с зубами достаточно острыми, чтобы прокусить ночной намордник и присоединиться ко всеобщему веселью. Да, пожалуй, пришло время прибегнуть к сонному снадобью.

Воздух в лазарете насквозь пропах дымом сальной свечи и ароматами розмаринового средства для окуривания, которое она возжигает постоянно, чтобы перебить тяжелый запах болезни. Она проходит мимо молоденькой клирошанки, страдающей от внутреннего кровотечения, которая лежит, свернувшись клубочком и крепко зажмурившись, что явно свидетельствует о том, что она молится, а не спит. Остальные

кровати заняты сестрами, настолько же престарелыми, сколь и больными, легкие которых полны стылой зимней сырости, отчего они издают бульканье и хрипы. Большинство из них уже глухо ко всему, кроме голосов ангелов, хотя до сих пор не прочь поспорить о том, чей хор слаще.

— Господи милосердный! Он идет. Спаси нас и помилуй.

Хотя слух сестры Клементии по-прежнему остается достаточно острым для того, чтобы разобрать мягкую поступь кошачьих лап, разум ее уже окутан мраком, чтобы принять их за стук копыт посланника дьявола или первый признак Второго пришествия.

— Ш-ш, тише.

— Слушай крики. Слушай крики! — Старушка садится на смертном одре, размахивая руками так, как будто отбивается от невидимой атаки. — Мертвые воскреснут. А мы все погибнем.

Зуана хватает ее за руки и прижимает их к простыням, ожидая, пока монахиня сквозь пелену бреда осознает ее присутствие. Великое молчание, что длится от комплетория до самого рассвета, дозволяется нарушать лишь занедужившим и помешанным, тогда как всем прочим грозит суровая епитимья за любое неосторожное слово.

— Ш-ш.

С другой стороны двора вновь доносится болезненный вскрик, за которым следует удар и треск расколовшегося дерева. Зуана вновь укладывает старую монахиню на кровать, стараясь устроить ее как можно удобнее. От простыней поднимается запах свежей мочи. Но это может подождать до утра. Сестры, обслуживающие больных, будут вести себя мягче, если хорошенько выспятся ночью.

Вооружившись ночным светильником, она быстро входит в диспенсарий, который находится за последней дверью в дальнем конце лазарета. Прямо перед нею стена горшков, пузырьков и бутылочек приплясывает в такт трепещущему пламени. Все они хорошо знакомы ей; эта комната служит

Зуане домом, ставшим для нее роднее кельи. Она берет с комода стеклянный пузырек и после секундного колебания тянется за бутылочкой со второй полки, вынимает из нее пробку и добавляет еще несколько капель сиропа. Если послушница с легкостью ломает мебель и нарушает тишину, то ей явно требуется сильное снотворное.

Вернувшись в главный клуатр, Зуана замечает полосу света, пробивающуюся из-под двери приемной аббатисы. Мать настоятельница Кьяра уже встала, оделась и теперь сидит за своим резным столом орехового дерева, держа голову прямо; ее молитвенник лежит раскрытым под серебряным распятием, а на плечи, вне всякого сомнения, накинута мантия, чтобы уберечься от ночных сквозняков. Она не станет вмешиваться — во всяком случае, до тех пор, пока не поймет, что стараний Зуаны оказалось недостаточно. В таких вопросах они давно достигли полного взаимопонимания.

Зуана быстро скользит по коридору, ненадолго задерживаясь перед дверью сестры Магдалены. Она — самая пожилая сестра в монастыре, пожилая настолько, что в живых не осталось никого, кто помнил бы, сколько ей лет. Старческая немощь уже давным-давно должна была отправить ее в лазарет, но благочестие и сильная воля настолько переплелись в ней, что она не принимает иного утешения, кроме молитвы. Она ни с кем не разговаривает и никогда не выходит из своей кельи. Из всех душ в монастыре Господь наверняка первой желает заполучить именно ее. Тем не менее Он до сих пор держит ее на почтительном расстоянии. Зуана готова поклясться, что иногда, проходя мимо ее кельи ночью, она даже через дверь слышит, как шевелятся губы затворницы, с каждым словом приближая ее к входу в рай.

Но Господь добр, и милость Его пребудет с нами вовеки. Благодарите Его и благословляйте имя Его. Слова сами, помимо ее воли, возникают в голове Зуаны, когда она беззвучно движется по коридору.

Новенькую разместили в двойной келье в самом углу. Кто-то мог бы сказать, что выбор сделан крайне неудачно. Не прошло еще и месяца с тех пор, как сестра Томмаза распевала здесь последние мадригалы, которые тайком передала ей сестра, выучившая эти строфы при дворе. Но потом в мозгу у нее появилась злокачественная опухоль, после чего с нею случился припадок, от которого она так и не оправилась. К тому времени, как было принято решение о приеме новой послушницы, они едва успели отмыть рвоту со стен. И теперь Зуана спрашивала себя, а достаточно ли тщательно они прибрались за собой. За прошедшие годы она укрепилась в подозрении, что монастырские кельи цепко держатся за свое прошлое, гораздо крепче прочих мест. Во всяком случае, девушка станет отнюдь не первой послушницей, которая почувствует, как окружающие ее стены сочатся экстазом или злобой.

Всхлипы становятся громче, когда Зуана отодвигает наружный засов и распахивает дверь. На миг перед нею возникает видение: ребенок, впавший в бесконечную истерику, беспокойно мечется по кровати, а затем забивается в угол, словно загнанное животное. Но вместо этого свеча выхватывает из темноты фигуру, прижавшуюся к стене; хитон, в который облачена девушка, промок от пота, волосы прилипли ко лбу. Когда Зуана сегодня видела ее через решетку в церкви, девушка показалась ей слишком хрупкой для такого голоса, но во плоти она выглядит куда крепче, и каждый всхлип со стоном вырывается у нее из груди. Но стенания тут же замирают у нее на устах. Кого она видит перед собою? Тюремщика или спасителя? Зуана до сих пор не забыла ужас самых первых дней, проведенных в монастыре; тогда ей казалось, будто все монахини похожи друг на друга как две капли воды. Когда она начала подмечать различия под одинаковой одеждой? Как странно, что она не может вспомнить того, чего, как тогда казалось, ей не забыть никогда.

— Благословенна будь, — негромко говорит она, показывая, что намеревается нарушить Великое молчание. В ушах

сестры Зуаны звучит голос аббатисы, разрешающий отпущение грехов. — Хвала Всевышнему. — На исповеди она скажет, что исполняла службу. — Да пребудет с тобою Господь, Серафина. — Она поднимает свечу повыше, чтобы девушка увидела, что в глазах у нее нет злого умысла.

— Аааах! — Сдерживаемый выдох выплескивается новым взрывом ярости. — Я не Серафина. Меня зовут совсем не так.

Слова эти достигают слуха Зуаны вместе с брызгами слюны, попавшей ей на лицо.

— Тебе станет лучше, если ты немного поспишь.

— Ха! Ха... Мне станет лучше, когда я умру.

Сколько же ей лет? Пятнадцать? Или, быть может, шестнадцать? Она еще достаточно молода, чтобы ожидать чего-либо от жизни. И достаточно взрослая, чтобы понимать, что жизнь у нее отбирают. Что рассказала монахиням аббатиса, когда они проголосовали за нее? Что она происходит из благородной миланской семьи, имеющей важные деловые связи в Ферраре и стремящейся продемонстрировать свою лояльность городу, отдав дочь в один из его величайших монастырей: невинное дитя, воспитанное на любви к Господу, с соловьиным голосом. Печально, что никто не потрудился упомянуть, что она умеет еще и выть, как волк-оборотень.

— Быть может, я уже мертва. Похоронена в этой... этой вонючей могиле. — Девушка яростно топает ногой, отчего по полу летит комок конского волоса.

Зуана поднимает свечу выше, отмечая творящийся в келье беспорядок: кровать перевернута, тюфяк и подушка вывернуты наизнанку, повсюду валяется набивка. Хаос выглядит по-своему впечатляюще.

Девушка тыльной стороной ладони некрасиво утирает нос, останавливая льющиеся ручьем слезы и сопли.

— Вы не понимаете. — Теперь в ее голосе звучит неистовая мольба. — Я не должна находиться здесь. Меня поместили сюда против моей воли.

Зуана видела ее стоящей на коленях перед алтарем в луже бархата, со склоненной головой, пока священник проводил над нею молебен, добиваясь ее согласия.

— А как же быть с обетами, которые ты дала в часовне? — негромко вопрошает она.

— Это всего лишь слова. Я произнесла всего несколько слов, не более того. Их сказали мои губы, а не сердце.

Вот как. Что ж, теперь она начинает понимать. Фраза знакома ей ничуть не хуже иной литании. Слова сорвались с губ, а не шли от сердца: официальный язык принуждения. В правильном суде, в присутствии исполненного сочувствия судьи, к такой тактике могла бы прибегнуть жена, добиваясь расторжения ненавистного брака, или же послушница перед лицом епископа, умоляя его аннулировать данный ею обет. Но они были не в суде, и ни девушке, ни монастырю не станет лучше, если они всю ночь будут дискутировать по этому поводу.

— В таком случае тебе нужно поговорить с аббатисой. Она мудрая женщина и непременно подскажет, что делать дальше.

— И где же она сейчас?

Зуана улыбнулась:

— Как и все мы, она пытается заснуть.

— Вы полагаете меня глупой? — Голос девушки вновь поднимается на октаву. — Ей нет до меня никакого дела. Я для нее всего лишь очередное подношение. О, я нисколько не сомневаюсь в том, что мой отец щедро заплатил за то, чтобы меня заперли здесь.

Каждое слово, что нарушает Великое молчание, причиняет Господу боль не меньшую, чем монахине, которая приносит его, но в этих стенах находится место для доброты и сострадания; кроме того, сейчас Зуана пребывает на дежурстве.

— Даже самое большое подношение делается с душой, — мягко говорит она. — Ты поймешь это совсем скоро.

— Нет! Ай! — И девушка ударяется головой о стену, достаточно сильно, чтобы обе расслышали глухой удар. — Нет, нет, нет.

Но теперь слезы несут в себе не только гнев или боль, но и отчаяние, как если бы в глубине души она понимала, что битва уже наполовину проиграна и ей остается лишь оплакать поражение. Кое-кто из сестер в Санта-Катерине, женщины сильной веры и сострадания, верят, что именно в этот миг Господь впервые по-настоящему нисходит в сердце молодой женщины и Его великая любовь насаждает семена надежды и покорности в отчаявшейся душе. Впрочем, самой Зуане на это потребовалось куда больше времени и за долгие годы она осознала, что единственным подлинным утешением является то, которое вы способны ощутить сами. И хотя здесь нечем гордиться, в такие моменты невозможно притворяться, будто вы думаете иначе.

— Послушай меня, — негромко говорит она, подходя ближе. — Я не могу открыть для тебя ворота. Зато я могу, если ты позволишь мне, облегчить для тебя нынешнюю ночь. И это хоть немного поможет тебе завтра, обещаю тебе.

Девушка слушает ее, Зуана уверена в этом. Тело ее начинает бить дрожь, а глаза мечутся из стороны в сторону. Что творится у нее в голове? О чем она думает? О побеге? Келья не запирается, и некому помешать ей бежать отсюда. При желании она с легкостью может оттолкнуть ее в сторону, пересечь клуатр, пробежать по коридору в сторону сторожки — и обнаружить, добравшись туда, что ночные ключи от главной двери хранит у себя не сторож, а сама мать настоятельница. Или же выбежать в сад, пересечь его и упереться в наружную стену — вот только она такая гладкая и высокая, что взобраться на нее не легче, чем вскарабкаться на глыбу льда. Разумеется, все это прекрасно известно тем, кто живет в этих стенах. Хотя кое-кто начинает испытывать настоящий ужас только тогда, когда представляет себе, как оказывается в мире за их пределами.

— Нет. Нет... — Но это уже больше похоже на стон, чем на выражение протеста. Девушка закрывает лицо руками и медленно сползает вниз по стене, царапая спиной камень, пока не сжимается в комочек, раздавленная скорбью и тоской.

Зуана опускается на колени рядом с нею.

Но девушка отшатывается от нее:

— Уходите прочь. Мне не нужны ваши молитвы.

— Тем лучше, — легкомысленно отзывается Зуана, разгребая конский волос на полу, чтобы без опаски установить на чистое место свечу. — Потому как Господь наверняка сейчас оглох. — Она улыбается, давая понять девушке, что шутит. Вблизи, при свете свечи, становится видно, что личико у нее миловидное, хотя и слегка припухшее от слез, с пятнами гнева на щеках. Зуана без труда могла бы назвать с полдюжины хихикающих послушниц, которые с радостью помогли бы ей вернуть прежнюю красоту.

Она достает из-под накидки стеклянную бутылочку и вынимает из нее пробку.

— Довольно плакать. — Теперь голос ее звучит твердо. — Паника, которую ты сейчас испытываешь, пройдет. Кстати, от того, что ни ты сама, ни весь монастырь не будут спать по ночам, легче тебе не станет. Ты меня понимаешь?

Они встречаются взглядами поверх пузырька.

— Вот, возьми.

— Что это?

— То, что даст тебе возможность отдохнуть.

— Что это? — Девушка по-прежнему не указывает желанная взять у нее пузырек. — Я все равно не смогу заснуть.

— Если выпьешь это, то заснешь, обещаю. Это снадобье дают преступникам, которых везут на повозке на эшафот, чтобы сонливость притупила испытываемые ими мучения до тех пор, пока не случится самое плохое. А для тех, кому уготованы не столь драматические страдания, оно приносит быстрое облегчение.

— Эшафот... — Девушка горько смеется. — В таком случае вы, должно быть, мой палач.

«Что ж, теперь меня произвели в тюремщики, — думает Зуана. — Да будет так. Сколько сил требуется, чтобы разжечь огонь восстания. И как тяжело, когда ты оказываешься единственной, кто...» Она протягивает девушке пузырек с таким видом, с каким дают лакомство дикому животному, стараясь не напугать его, потому что оно может сорваться с места в любой момент.

Девчонка медленно-медленно подставляет руку, чтобы взять его.

— Оно не заставит меня сдаться.

А вот теперь Зуана не может сдержать улыбку. Знай она, как составить подобное снадобье, и каждый монастырь в стране пожелал бы заполучить ее для своего лазарета.

— Об этом можешь не беспокоиться. Моя работа заключается в том, чтобы исцелить твоё тело, а не душу.

Делая маленький глоток, девчонка не сводит с Зуаны глаз. Снадобье обладает резким привкусом, и она начинает кашлять, поскольку горло у нее и так болит после долгих криков. Если разговоры о соловье не очередная ложь, то ей понадобится смягчающий сироп, чтобы вернуть обратно певческий голос.

Она допивает снадобье и откидывает голову, упираясь затылком в стену. Слезы по-прежнему текут у нее по щекам, но теперь она стонет уже не так громко. Зуана пристально наблюдает за нею, поскольку натура целителя желает знать, как быстро подействует лекарство.

Услышь молитву мою, Господи милосердный, и пусть мои слезы станут Твоими.

Когда она в последний раз прибежала к такой дозировке? Два, нет, три года тому, когда давала его девушке с таким же завидным приданым, но, как выяснилось, страдающей еще и падучей. В первую же ночь ее охватила паника, которая вылилась в настолько тяжелый приступ, что понадобилась

помощь трех сестер, чтобы удержать ее на месте. Окажись семья влиятельнее, монастырю пришлось бы оставить несчастную у себя, потому как, хотя эпилепсия и является одной из нескольких общепризнанных причин для признания обетов недействительными, в конечном счете все зависит от уровня могущества. Как бы там ни было, мать настоятельница Кьяра сумела договориться о возвращении девушки в семью вместе с приданым, часть которого, правда, осталась в монастыре в качестве вознаграждения за хлопоты. Словом, нынешняя аббатиса Санта-Катерины обладала несомненным дипломатическим талантом, хотя сейчас трудно было судить о том, как она поступит с этой непокорной молодой особой.

Не отвори лица Твоего от меня, и не уклонись во гневе от раба Твоего.

Голос, звучащий в ушах Зуаны, превращается в шепот.

От голоса стенания моего кости мои прильнули к плоти моей.

Позже, вспоминая о случившемся, она не может понять, что заставило ее выбрать именно этот псалом, хотя дальнейшие слова представляются ей вполне уместными.

Я уподобился пеликану в пустыне; я стал как филин на развалинах; не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле.

— Ваше снадобье не действует. — Девчонка, собравшись с силами, выпрямляется, размахивая руками, и ее вновь охватывает гнев.

— Действует, действует. Перестань противиться ему и просто дыши.

Я ем пепел, точно хлеб, и питье мое растворяю слезами.

Послушница издает слабый вскрик, а потом вновь сползает по стене на пол.

Ибо Ты вознес меня и низверг меня. Дни мои — как уклоняющаяся тень, и я иссох, как трава.

Стон срывается с ее губ, и она закрывает глаза.

Теперь остается совсем немного. Зуана придвигается ближе, чтобы подхватить ее, когда она начнет валиться на бок.

Девчонка крепко обхватывает колени руками, а потом, после короткой борьбы, роняет на них голову. В этом жесте чувствуются несомненная усталость и признание своего поражения.

Славьте Господа господствующих, ибо вовек милость его.

Снаружи вновь воцаряется ночная тишь, неслышно захватывая клуатр и двор, тихонько заглядывая в щели под дверями. Монастырь испускает вздох, который задерживал слишком долго, и проваливается в сон. Тело девчонки начинает клониться к Зуане.

Милость же Господня от века и до века к боящимся Его.

Вот и все, бунт завершился. В этот миг Зуана вдруг ощущает легкую грусть, которая примешивается к облегчению, как если бы слов псалма оказалось недостаточно, чтобы даровать утешение. Она упрекает себя за недостойные мысли. Ее задача — не подвергать сомнению, а успокаивать.

И она с нею справляется. Уже совсем скоро девчонка погружится в сон. Зуана окидывает взглядом ее келью.

У входа во вторую комнату стоит тяжелый сундук. Опытная монахиня может уложить в него половину мира. Наверняка у девчонки окажется с собой постельное белье; те, чье приданое позволяет заполучить келью из двух комнат, спят на атласных простынях, а подушки у них набиты гусиным пухом. Перевернуть кровать обратно не составит особого труда, но, даже если уложить на место остатки тюфяка, девчонке понадобится теплое покрывало. Тело ее, более не подогреваемое силой отчаяния, покроется холодным потом, и то, что начиналось как вспышка ярости, может запросто обернуться лихорадкой.

Он превращает бурю в тишину, и волны умолкают.

Зуана осторожно прислоняет девчонку к стене и подходит к сундуку. Из-под открытой крышки в лицо ей ударяют запахи пчелиного воска и камфары. Поверх стопки тканей лежит комплект серебряных подсвечников, а рядом с деревянной фигуркой младенца Христа виднеются бархатная

накидка и льняные сорочки. Ниже покоится коврик толстого персидского плетения и часослов в богатой обложке с выпуклыми буквами, приобретенный, вне всякого сомнения, как раз по случаю вхождения в монастырь. Она сразу же вспомнила нескольких сестер, которым придется изо всех сил сражаться с грехом черной зависти, как только они узрят такое сокровище в часовне. Зуана берет его в руки, и он раскрывается на странице с венчальной песнью Богородице, исполненной искусной и вычурной вязью: сложные фигуры и животные, переплетенные с завитками золотого листа, тускло мерцающего в свете свечи. Внутри же, словно закладка, лежат несколько страничек, исписанных изящным почерком. Интересно, их прочитали и сочли приемлемыми? Или же дежурная сестра на воротах попросту проглядела их среди такого богатства? Что ж, такое уже случалось не раз.

— Что вы делаете? — Девчонка вновь очнулась и вскинула голову, невзирая на тяжкие вериги сонного зелья. — Это мое.

Мое. Девчонке еще предстоит узнать, что в будущем ей придется старательно избегать этого слова. Паника, охватившая ее, говорит сама за себя. Очевидно, это совсем не молитвы. Стихи, быть может? Или даже письма от возлюбленного... Столь же бесценные, как и любая молитва... Но свет слишком тускл, чтобы можно было разобрать отдельные слова. Впрочем, так даже лучше. То, что нельзя прочесть, она не сможет и осудить.

Она думает о собственном сундуке и о том, как книги, лежащие в нем, много лет назад спасли ее собственную жизнь. А вдруг кто-нибудь счел бы допустимым конфисковать их? И тогда, чтобы приглушить боль, ей понадобилось бы нечто куда более сильное, чем сонное зелье.

— У тебя здесь богатая жизнь. — Зуана захлопывает книгу и опускает ее обратно в сундук. — А еще тебе повезло заполучить такие комнаты, — добавляет она, вытягивая кончик тяжелой бархатной материи. — Сестра, что жила здесь до тебя, иногда по вечерам устраивала у себя приемы между

обедом и комплеторием. Подавала вино и печенье, музицировала и даже исполняла придворные мадригалы.

Она переворачивает кровать и взваливает на раму остатки тюфяка.

— Я знаю, снаружи стены выглядят грозными и неприступными. Но как только ты привыкнешь, здешняя жизнь вовсе не покажется той пустыней, которую ты ожидаешь встретить.

— Вашше деллло — личить мае тело, а ни душу. — Хотя девчонка по-прежнему сидит, привалившись к стене, глаза у нее полузакрыты, а язык уже заплетается. Дух ее не сломлен, но плоть дает слабину.

И веселятся, что они утихли, и Он приводит их к желаемой пристани.

Зуана тщательно застилает покрывалом разодранный матрас, чтобы конский волос не жалил кожу девчонки. Когда она заканчивает, глаза послушницы вновь закрыты.

Она подхватывает ее под мышки, забрасывает одну руку девчонки себе на шею и, поддерживая ее за талию, чтобы сохранить равновесие, делает шаг вперед. Тело ее кажется пухлым, как у куропатки, и тяжелым от зелья. Слабый запах ароматизированного масла, которым она, наверное, пользовалась еще сегодня утром, смешивается с кислым запахом пота. Щекой она чувствует ее дыхание с характерным запахом опиумного мака. Да, наряду с колченогими и косоглазыми Господь наш привечает заодно и самых привлекательных молодых женщин, дабы уберечь их от осквернения окружающим миром. Сама она никогда не была настолько желанной. Хотя, справедливости ради, следует признать, что подобные мысли ее никогда и не волновали.

— Я нне... будуууу спать, — с вызовом бормочет девчонка заплетающимся языком, валясь на кровать.

— Тише. — Зуана накрывает ее покрывалом и укутывает, как пеленками.

Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его.

Но больше слушать ее уже некому.

Она переворачивает девчонку на бок, чтобы голова ее чуточку свисала с тюфяка, как настоятельно советует ей опыт. Ее отец однажды лечил буйного пациента, который без его ведома до принятия лекарства выпил изрядно вина. Ночью его стошнило, и он едва не захлебнулся собственной рвотой, без чувств лежа на спине. Опыт и наблюдение. Вот надежный путь к успеху.

— Видишь, Фаустина, какие чудеса способна творить природа? Как лекарство, которое может оказаться губительным, если принимать его отдельно, становится целебным, если ты понимаешь, каким образом оно взаимодействует с прочими ингредиентами?

Голос его, как всегда, таится наготове в глубине ее разума, выжидая момента, когда молитвы заканчиваются и образуется место для ее собственных мыслей.

В самом начале было такое время — хотя она уже не помнит, как долго оно длилось, — когда близость отца становилась почти невыносимой, потому что пронзительно напоминала ей, чего она лишилась. Но мысль о том, чтобы расстаться с ним, причиняла ей куда большие страдания, и постепенно горечь утраты смягчилась, так что его присутствие стало благодатным и благотворным; в равной мере, живой учитель и умерший отец. Разумеется, она отдает себе отчет в том, что совершает непростительный для монахини проступок, живя прошлым, а не своим монастырским настоящим, но его соседство стало для нее настолько обыденным и привычным, что она даже не считает нужным признаваться в этом на исповеди. В конце концов, есть предел всему — даже покаянию во грехе.

И сейчас, глядя на спящую девушку, она вновь приглашает его войти.

— Ты должна непременно отметить в своих записях, превышена ли доза. Да, я знаю — знаю! — что несколько добавочных капель кажутся пустяком, но при этом с таким же

успехом они могут иметь решающее значение. Ах, дитя мое, правильно отмерить дозу — это настоящее искусство, полное гармонии. Теория и практика, опыт и наблюдение: сочетание древнего знания с нашим сегодняшним миром. Разумеется, мы не можем уподобляться древним грекам и испытывать наши снадобья на преступниках. Будь такое возможно, не исключено, что мы бы уже вновь овладели секретом панацеи и наша власть над ядами была бы всеобъемлющей. Нет, ты только представь себе! Впрочем, мы и так уже заново открыли многое из того, что было утеряно. А когда ты в чем-либо не уверена или когда под рукой не окажется пациента, на котором можно испробовать новый состав или соотношение, их всегда можно испытать на себе. Хотя с отварами, которые притупляют чувства, следует быть особенно осторожной и непременно отмечать время до того, как уснешь, чтобы иметь достаточно близкое тождество, когда проснешься.

Она улыбается. Что ж, совет этот оказался весьма здравым для тех студентов университета, которые часами выстаивали очередь в зимнем феррарском тумане, чтобы попасть на его лекции и анатомирование. В последующие годы она даже встречала кое-кого из них; его армию жадных до знаний молодых богословов-лекарей, посвятивших себя делу познания тайн созданной Господом вселенной. Да и она сама, конечно, переняла многие из его взглядов наравне с ними, хотя, разумеется, и не могла демонстрировать этого на публике. В то время как его верные ученики отправлялись в суды и университеты, унося с собой полученные знания, ей была уготована иная разновидность служения Господу, в которой получение знаний уступало пальму первенства актам благочестия, совершаемым восемь раз на дню, семь дней в неделю, пока смерть не разлучит их. Неудивительно, что поначалу она сильно страдала. Для экспериментов в этих стенах оставалось слишком мало места. У монахини просто не было времени, чтобы стать своей собственной пациенткой.

Тем не менее, заслужив упорным трудом место сестры-хозяйки диспенсария, сейчас она все делает так, как делал бы он: выращивает растения, дистиллирует их соки и записывает оказываемое ими действие. Пусть и маленькими шажками, но она движется вперед. Это куда больше того, что ей было бы дозволено в отсутствие его поддержки снаружи.

Она берет девочку за руку, проверяя ее пульс: ровный, хотя и несколько замедленный. Сколько она будет спать? Ведь уже поздно. Им наверняка не удастся разбудить ее к хвалениям, пожалуй, и к заутрене и службе 3-го часа тоже, хотя, если удастся ее растолкать, она не станет сопротивляться. Сколько бы сильной ни была ее воля, но, по крайней мере на некоторое время, она будет ослаблена физической податливостью. Девочка, конечно, не поблагодарит ее за это, но Зуана лучше других знает, что это в некотором смысле благословение. Если истинная вера исходит лишь от Господа, то утешение можно черпать и в чередѣ времен; час за часом, день за днем время падает, подобно пушистым снежинкам, и каждая последующая ложится поверх предыдущей, снова и снова, пока то, что было, не окажется укрытым с головой, а его начальная форма и цвет скроются под одеялом того, что есть ныне.

Наконец с колокольни доносится звон колоколов, отбивающих утреню. Она слышит шорох шагов дежурной сестры по каменным плитам, когда та обходит крытые галереи. Нынче стук в двери звучит особенно громко. Привычка (в том, что на тело они надевают то, во что должны одеть и душу, чувствуется некая ирония) заставит некоторых из них встать и начать двигаться еще до того, как они проснутся окончательно. Но среди них будут и такие, кто только что заснул крепким сном, и им захочется растянуть его подольше. В подобных обстоятельствах дежурной сестре дозволяется войти в келью и один раз потрясти соню за плечо. Тем, кто не проснется и после этого, предстоит впоследствии исповедаться в неподобающем поведении матери-аббатисе на капитуле.

Двери келий начинают открываться, и становится слышно шарканье ног — это монахини собираются и идут вслед за дежурной сестрой. Во мраке движется процессия темных теней, и огоньки свечей похожи на светлячков во тьме. Когда они проходят мимо двери послушницы, кто-то подавляет зевок.

Зуана ждет. Хотя мать настоятельница знает о ее ночных бдениях, она старается как можно реже нарушать заведенный в монастыре порядок. Вот скрипит на массивных петлях открывающаяся дверь часовни, а потом снова закрывается после того, как процессия входит внутрь. Очередной, а затем и повторный скрип выдают опоздавших. Когда она выходит из кельи и скрывается в темноте, звуки хорового пения уже проникают в щель под дверь. Прямо перед собой она замечает маленькую фигурку, которая, прихрамывая, спускается во двор с верхней галереи. И в монастыре случаются скитания по ночам, когда никто не хочет попадаться кому-либо на глаза. Усилием воли Зуана выбрасывает мысли об этом из головы. Сегодня она и так дала волю своим чувствам и потому не видит смысла искать новые неприятности.

Она выжидает, пока дверь часовни не закроется вновь, после чего быстро входит и, наклонив голову, идет рядами для певчих, направляясь туда, где огромное распятие висит перед решеткой, отделяющей монахинь от наружной общественной церкви. Она падает ниц перед ним, отстраненно отмечая, как обжигает ее прикосновение холодного камня даже через одежду, после чего проскальзывает на свое место в конце второго ряда для певчих. Сегодня она пришла без своего трепника — книга осталась лежать на столе в ее келье. Хотя она знает церковные тексты и псалмы наизусть, ее отсутствие все равно считается проступком. Мать настоятельница окидывает ее быстрым взглядом. Зуана открывает рот и начинает петь.

Но сегодня ночью монастырь явно не в голосе. Зима многим расцарапала горло, и потому пение прерывается

приступами сдавленного кашля и чихания. По ночам в церкви стоит лютый холод, и напротив хоров дрожит дюжина или около того послушниц. Со своими пухлыми щечками и нежной кожей они выглядят слишком юными для того, чтобы бодрствовать в столь поздний — или ранний — час. Зуана замечает, что, устав, они принимаются тереть глаза кулаками, словно маленькие дети. Неутомимая Умилиана, сестра-наставница послушниц, твердо уверена, что каждая новая их партия хуже предыдущей, более эгоистичная и тщеславная. Впрочем, правда, скорее всего, не столь однозначна, поскольку меняется и сама Умилиана, становясь с годами все ревностнее и требовательнее, в то время как они, по крайней мере, остаются молодыми. Признаться, Зуана сочувствует им. Девушки в их возрасте любят поспать, а утренняя, которая приходится на середину ночи, считается, пожалуй, самой суровой и трудной из монастырских служб.

Тем не менее в ее строгости таится и неизъяснимая сладость, поскольку цель ее заключается в том, чтобы заставить душу преодолеть сопротивление плоти, ведь вырванный из сна человек меньше всего склонен прислушиваться к шуму и болтовне, производимыми разумом. Зуана знакома с сестрами, которые с годами полюбили эту службу превыше всех остальных, впитывая ее подобно нектару, потому что, как только вы научились преодолевать усталость, благоговение от пребывания в Его присутствии, пока весь остальной мир спит, можно считать редким даром, разновидностью привилегии без примеси гордыни, пиршеством без чревоугодия.

Некоторые монахини в такие мгновения становились настолько близкими Господу, что видели ангелов, парящих над ними, а одна сестра даже узрела, как Иисус поднял руки с огромного деревянного распятия и протянул их к ней. Подобные потрясения души на утрене случаются чаще, чем во время других служб, что весьма благотворно сказывается на юных послушницах, поскольку периодическая драма уча-

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая справка	5
Часть первая	7
Часть вторая	177
Часть третья	339
Часть четвертая	443
От автора	500
Библиография	503
Благодарственное слово	507

Літературно-художнє видання

Дюнан Сара
Святі серця

Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 27.01.2020. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 26,88. Наклад 4000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

Дюнан Сара
Святые сердца

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 27.01.2020. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Minion Pro». Усл. печ. л. 26,88. Тираж 4000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Київстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Італія, 1570 рік. Дочку шляхетного міланського вельможі Ізабетту відраджено до жіночого монастиря. Так вирішив батько, розлучивши дівчину з її коханим Джакопо, простим учителем співу. Але Ізабетта не готова змиритися з рішенням батька. Вона рветься до Джакопо і тому тікає з монастиря, що став в'язницею для її кохання. Одначе втікачку спіймали. Від настоятельки Ізабетта дізналася, що Джакопо поїхав до Парми, зрадивши їхнє кохання. Дівчина у відчай, їй не хочеться жити. Аж тут несподівано приходить звісточка від коханого, який колись присягнувся ніколи не розлучатися з нею...

Дюнан С.

Д96 Святые сердца : роман / Сара Дюнан ; пер. с англ. А. Михайлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 512 с.

ISBN 978-617-12-7619-2

ISBN 978-1-84408-596-5 (англ.)

Италия, 1570 год. Дочь знатного миланского вельможы Изабетта отправлена в женский монастырь. Так решил отец, разлучив девушку с ее возлюбленным Джакопо, простым учителем пения. Но Изабетта не готова смириться с решением отца. Она рвется к Джакопо и потому бежит из монастыря, ставшего тюрьмой для ее любви. Однако беглянку поймали. От настоятельницы Изабетта узнала, что Джакопо уехал в Парму, предав их любовь. Девушка в отчаянии, ей не хочется жить. И тут неожиданно приходит весточка от любимого, который когда-то поклялся никогда не разлучаться с ней...

УДК 821.111

Флоренция XV века. Смерть Лоренцо Медичи оглушает Флоренцию, и число последователей проповедника Савонаролы все растет. Грядет новая эпоха, надвигаются войска французского короля. А юная и талантливая художница Алессандра готовится выйти замуж за мужчину гораздо старше ее. Ни о какой любви не может быть и речи. Девушку ждет золотая клетка и необходимость смириться с тайными пристрастиями мужа. Но сама Алессандра влюбляется в молодого художника, нанятого отцом для украшения семейной часовни. Эта страсть — отчаянная и безумная, нежная и прекрасная, как морская пена с полотен Боттичелли. Ей нужен только он — Художник, ее единственная и истинная любовь. Но нужна ли она ему?..